

назначил с ним телефонный разговор. И. В. Сталин сказал: «Вы любите Родину, я знаю, мужайтесь! Я вам помогу». С этой радостной вестью он ко мне примчался. Как сейчас помню: вбежал, снял шарф и вытер лоб, глаза ласковые такие и неуверенное обращение ко мне: «Тасенька! Я спасен. Сталин обещал помочь». И действительно, он был назначен пом. режиссера Московского театра.

Кстати, Сталин каждый раз, когда в театре шла пьеса Михаила «Дни Турбиных», приходил на постановку.

После постановки «Бега», выхода в свет «Белой армии» признание пришло. Но... Михаил был уже очень болен. Он терял зрение, терпел боли (склероз почек). Незадолго до смерти он просил свою младшую сестру: «Приведи мне Тасю, я хочу ее видеть», но... я тогда проживала в Сибири (была замужем) и приехала в Москву уже после смерти Михаила.

...Встретились мы с ним в 1908 году, когда я была гимназисткой четвертого класса, я проживала в Саратове и на каникулы приехала в Киев погостить к своей тетке, которая дружила с Варварой Михайловной, матерью Михаила (отца уже не было в живых, Афанасий Иванович умер незадолго до моего приезда). Вся семья Булгаковых носила траур.

Не помню уже, по какому поводу Михаил пришел к моей тетке. Я увидела стройного, глазастого юношу в гимназической форме (он был уже в 7 или 8 классе гимназии). Тетка, обращаясь к нему, сказала: «Миша, это моя племянница Таня. Покажи ей Киев». Миша посмотрел на меня и с учтивой улыбкой ответил: «С удовольствием».

И мы подружились, бродили по Киеву, который произвел на меня большое впечатление. Я, девочка (лет четырнадцати) к этому времени успела прослушать много опер. (Я сама играла на пианино.) Дело в том, что в Саратове я дружила с одной девочкой, отец которой был хозяином театра, и он приглашал к себе в оперу. Так я успела прослушать «Аиду», «Холопку», «Кармен» и другие знаменитые оперы. (Впоследствии отец мой, узнав о моем увлечении театром, запретил мне там бывать.) Я содержание этих опер передавала гимназисту Булгакову. Как он меня слушал! Буквально впитывая каждое мое слово.

Мы с ним часто бывали в Купеческом саду (кажется, сейчас стадион «Динамо»). Булгаковы незадолго до моего переезда переехали в дом на Андреевском спуске).

Кончились каникулы. Я уехала в Саратов, обещав Мише, что на Рождество приеду снова в Киев. Но... мой отец вместо меня послал в Киев моего брата. Вдруг получаем телеграмму, подписанную товарищем Миши: «Телеграфируйте приезд обманом. Миша стреляется». Отец спрашивает: «Какой еще Миша там у тебя обзавелся? Рано еще тебе заводить кавалеров». Пришлось ему рассказать о Михаиле. Телеграмму эту отец послал своей сестре (моей тетке в Киев). Та успокоила отца, написав, что Миша Булгаков — очень приличный молодой человек и ничего предосудительного в том, что мы встречались, нет. Второй раз я приехала в Киев уже по окончании гимназии, в 1911 году. Как раз в это время был убит Столыпин, и в Киеве было очень тревожно (всюду много солдат, во всем чувствовалось какое-то волнение). Через два года, в 1913 году, мы с Михаилом обвенчались.

Литературные дарования Михаила сказались еще в юности: он писал памфлеты, остроумно высмеивая, иногда очень зло, знакомых и домашних («Мишкиного» острого языка побаивались).

Извините, что так писалась, просто Ваша талантливая книга всколыхнула мою память, вспомнилось самое заветное, — наша юношеская любовь, Миша. Спасибо еще раз за то, что омолодили мою память.

С уважением,
Татьяна Николаевна.